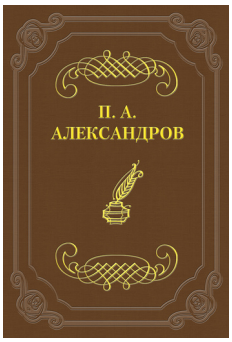
П. А.
АЛЕКСАНДРОВ

Петр Александров

Дело Сарры Модебадзе

«Public Domain»
1879

Александров П. А.

Дело Сарры Модебадзе / П. А. Александров — «Public Domain», 1879 — (Судебные речи)

ISBN 978-5-457-06211-5

«По настоящему делу суду была предана группа евреев – жителей местечка Сачхери Щаропанского уезда Кутаисской губернии, обвинявшихся в похищении и умерщвлении 6-летней девочки Сарры Модебадзе. Цель похищения Сарры Модебадзе предварительным следствием установлена не была, однако все пункты обвинительного заключения были сформулированы таким образом, что невольно наталкивали на мысль о совершении преступления из религиозных побуждений…»

ISBN 978-5-457-06211-5

© Александров П. А., 1879
© Public Domain, 1879

Петр Акимович Александров
Дело Сарры Модебадзе

По настоящему делу суду была предана группа евреев – жителей местечка Сачхери Щаропанского уезда Кутаисской губернии, обвинявшихся в похищении и умерщвлении 6-летней девочки Сарры Модебадзе. Цель похищения Сарры Модебадзе предварительным следствием установлена не была, однако все пункты обвинительного заключения были сформулированы таким образом, что невольно наталкивали на мысль о совершении преступления из религиозных побуждений.

Сарра Модебадзе пропала накануне еврейской пасхи, то есть накануне дня, когда по старинным преданиям и легендам, евреи якобы использовали христианскую кровь в ритуальных целях. Это обстоятельство, а также ряд косвенных улик, свидетельствовавших о том, что в момент исчезновения Сарры Модебадзе неподалеку проезжала группа евреев, и послужили основанием для привлечения их всех в качеств» обвиняемых по делу. Обстоятельства настоящего дела весьма подробно рассматриваются в речи защитника, поэтому подробное их описание представляется нецелесообразным. Необходимо, однако, подчеркнуть, что настоящее дело представляет большой интерес. Во-первых, речь П. А. Александрова является блестящим образцом судебного красноречия: наряду с ее стройностью, логичностью, четкостью языка и формулировок, она характеризуется исключительно умелым и талантливо проведенным разбором доказательственного материала, на который опиралось обвинение, в результате чего все доводы обвинительного акта были опровергнуты, и судьям ничего не оставалось иного, как вынести оправдательный приговор всем подсудимым. Кроме того, речь П. А. Александрова весьма интересна и с точки зрения ее общественно-политического содержания и звучания. Защитник очень тонко и красноречиво нарисовал картину, отражающую собой существо национальной политики царского правительства. Известно, что в целях удержания своего господства царское правительство стремилось разжечь рознь и недоверие между различными народностями и национальностями, населяющими Россию. В качестве одного из приемов развития национальной розни неоднократно устраивались и провоцировались еврейские погромы. Поводами для организации погромов нередко служило искусственное создание ситуаций, позаимствованных из религиозных преданий о том, что якобы перед пасхой евреи похищают и умерщвляют младенцев для использования из мистических побуждений христианской крови. Красной нитью через всю речь П. А. Александрова проходит мысль о том, что и в данном деле немаловажную роль сыграло явное стремление использовать эти древние наветы. Разбирая обстоятельства дела, П. А. Александров разоблачает эту политику царского правительства, направленную на разжигание вражды между народами. Как грозный обличительный акт звучат слова П. А. Александрова, произнесенные им в заключительной части речи: «Несколько дней, и дело, которое прошло перед вами *(обращение к суду)* в живых лицах, станет достоянием всей читающей России. Много поучительного представит оно русскому общественному мнению… Увидит русское общественное мнение, к каким последствиям приводит легкомысленное отношение к басням, питающим племенную рознь… Заставит это дело и нашу печать пересмотреть те основания, на которых зиждется обвинение евреев в употреблении христианской крови. Ретроспективным светом озарит настоящее гласное дело по обвинению такого свойства и прежние судебные негласные процессы… Скажет настоящее дело свое поучительное слово и *нашим общественным деятелям*, держащим в своей власти нашу честь и свободу… Оно скажет русским следователям, что не увлекаться им следует суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться вполне лжесвидетельству и ложному оговору, а критически относиться к фактам… Оно скажет русским прокурорам, что дороги и любезны они обществу не только как охра-

нители общества от преступных посягательств, но и, в особенности, как охранители его от неосновательных подозрений и ложных обвинений… Оно, не сомневаемся, привлечет внимание и высшего представителя прокуратуры в здешнем крае (имеется в виду Закавказье. – Ред.)в сторону тех, благодаря заведомому лжесвидетельству которых создалось настоящее дело… И да будет настоящее дело последним делом такого свойства в летописях русского процесса!»

Настоящее дело рассматривалось Кутаисским Окружным Судом 5-12 марта 1879 г.

*** * ***

Господа судьи! 4 апреля в селении Перевиси исчезла, неизвестно куда, приближавшаяся к шестилетию своей жизни Сарра Модебадзе. На другой день – слилат-дам – кровавый навет, столь памятный еврейству по средневековым кострам, пыткам, мучениям, гонениям всякого рода, – грозным эхом пронесся по всей сачхерской дороге и встревожил мирное сачхерское еврейское население. Правда, нечего было опасаться костров и пыток, но смягченные бедствия новейшего времени, – в виде грозного самосуда народной толпы, вызванного местью исповедующих иную веру, и не всегда разборчивого в своих основаниях напрасного обвинения, привлечения к следствию и суду, предварительного тюремного заключения, – все же бедствия и тяжкие бедствия, с которыми приходится считаться. Если опасения народного самосуда оказались в настоящем случае преувеличенными, если казаки, присланные шаропанским уездным начальником на случай столкновения между местными христианами и евреями, не имели повода действовать, то опасения другого рода – в виде предварительного следствия, подозрения, обвинения, тюремного заключения – к несчастию, оказались вполне справедливыми. Девять сачхерских евреев, оторванных от своих домов и семей, от своих занятий, были привлечены к следствию по тяжкому и грозному обвинению и увеличили собой население местной тюрьмы; пять из этих девяти до сих пор томятся там уже десять месяцев. Тяжелое время пришлось пережить подсудимым. В долгий период предварительного следствия, в борьбе за свою невиновность, в борьбе с убеждением следователя и прокурора, бывшим не в их пользу, под тяжким гнетом многочисленных: свидетельских показаний, старавшихся поддержать составившееся против них предубеждение, в этот тяжелый период внутренних страданий и внешних лишений, лишенные возможности относиться к своему положению с спокойствием постороннего наблюдателя, они в непоколебимом сознании своей невиновности, с недоверием, с упреком, с подозрением, с жалобой относились ко всем, кто держал судьбу их в своей власти: и к лицам, производившим дознание, и к судебному следователю, и к прокурору, которые, думали они, действуют против них с предубеждением, вопреки очевидной истине и справедливости. Даже переводчику, переводившему показания свидетелей на языке, им не понятном, перестали они верить и в нем видели своего врага, устраивающего их погибель. Но все эти подозрения, несправедливые сами по себе, но весьма понятные в том положении, в котором находились эти несчастные заподозренные, не шли дальше порога вашего суда. Инстинктивно чувствовали они, что есть справедливость и истина на земле, что их невиновность должна выясниться, что если ближайшие в то время к судьбе их: лица не видят или не хотят видеть той истины, то стоит только делу их подняться выше, – и туман, одевавший его, рассеется, будет свет, и истина раскроется. В окружном суде, говорили они судебному следователю, свидетели докажут нашу невиновность. В долгие дни тюремных страданий они успокаивались на мысли о вашем суде, они ждали дня судного, как дня решительного их оправдания. Шесть дней шел суд, шесть дней вы внимательно шаг за шагом изучали подробности настоящего дела и нынешний день, день седьмой, не есть еще для вас день покоя и отдыха от понесенного труда. Отрадны были для меня эти дни, проверенные с вами здесь, в этой судебной зале, они

и останутся для меня навсегда отрадным воспоминанием в моей жизни. Я видел труд, внимательный, неустанный труд, который каждый из вас приложил к рассмотрению, к изучению, к оценке каждого из представлявшихся вам судебных доказательств. Я понял, господа, ту тяжелую ответственность, которую вы должны нести в глубине вашей совести, творя суд и правду. Для вас, господа, недостаточно составить убеждение в вашей совести, вы должны реализовать это убеждение в ясных постороннему пониманию мотивах, которые могли бы быть поверяемы, обсуждаемы и оцениваемы со всех сторон; вы принуждены основывать ваше убеждение на тех неуловимых, но часто весьма решительных данных, которые производят в судье то или другое убеждение о деле; вы должны найти для вашего приговора такие основания, которые бы укладывались на бумаге, которые могли бы быть оцениваемы и поверяемы, если та или другая борющаяся пред вами сторона станет в высшем суде подтверждать или опровергать справедливость вашего приговора. Не легко было добывать такие данные в настоящем деле. Наряду с самым наглым лжесвидетельством вы встретились с крайним тупоумием, печальной умственной слепотой, первобытной простотой знаний и суждений по самым обыкновенным предметам. В вопросах, где время и пространство значило все, вы выслушивали людей, измеряющих время и пространство способами, достойными населения дикарей. Где были дороги минуты и вершки, вам отвечали: скоро, нескоро, далеко, близко, не знаю – не мерил, пока дойдешь – так устанешь, утром, около вечера, в обед, после самхрада (послеобеденный завтрак) и т. п. Сорокалетняя женщина сказала вам, что ей 13 лет; дряхлая старуха, желая обратить ваше внимание на ее преклонную старость, ничем не могла лучше выразить это, как сказавши, что она так стара, что ей уже больше сорока лет. Вот с какими свидетелями пришлось вам иметь дело в вопросах о времени и пространстве. Не лучше было и по другим вопросам, – вопросам, например, вокальным. Припомните сачхерскую группу, которая должна была свидетельствовать о детском крике и стоне.

Но трудности поддались упорному труду, и я теперь могу сказать с полным убеждением, что дело ясно, что истина, нужная для судейского убеждения и долженствующая воплотиться в вашем решении, раскрыта и разъяснена до такой степени, что это решение не может уже составлять предмет недоумения и спора, а есть только вопрос времени, может быть, нескольких слов. При таком положении дела самая лучшая и наиболее соответствующая защитительная речь могла бы заключаться в самой краткой фразе: мне не остается ничего более сказать вам. Молчание защиты в настоящую минуту было бы самой красноречивейшей и вполне убедительной защитой; но настоящий процесс не есть процесс этих четырех стен. Его желает знать Россия, о нем будет судить русское общественное мнение. Не для вас, господа судьи; для тех, кто, не присутствуя при ваших усилиях раскрыть истину и выяснить дело, кто, не зная, да и не желая знать оснований вашего убеждения, наперед уже готов наглой клеветой осквернить приговор ваш, если он будет против их грязных вожделений; для тех, кто захочет искать в нем тех низких мотивов, над уровнем которых он сам никогда не поднимется… да и не для них, – когда их просвещал свет истины и правды… для тех, кто пожелает без предвзятого взгляда узнать истину настоящего дела, для тех, кто пожелает поискать в нем оснований для критики старого предубеждения – предубеждения суеверного и питающего племенную рознь, для тех, кто пожелает найти в судебном решении урок и полезное указание для будущего отношения к еврейству, – позвольте еще раз в общих контурах и очертаниях провести пред вами все то, что в мельчайших подробностях прошло пред вами в минувшие шесть дней неустанного труда, что уже изучено, взвешено, рассмотрено и оценено вами. Когда я изучил предварительное следствие по настоящему делу, я не мог не быть поражен той массой труда, энергии, силы, которые вложены в это дело. Чего здесь не было сделано! Три раза вырывали из земли погребенный труп Сарры, два раза производимо было его судебно-медицинское вскрытие, в судебно-медицинской экспертизе приняли участие представители высшего медицинского персонала здешнего края.

Осмотрены были многие местности – и та, где найден труп Сарры, и та, откуда она исчезла, и тот путь, по которому проезжали евреи, – линии садзаглихевской и сачхерской дорог, многие местности сняты на плане. За один из этих планов моя глубокая признательность судебному следователю. На плане местности садзаглихевской дороги, среди его геометрических линий и арифметических вычислений расстояний, я вижу крупными буквами написанный оправдательный приговор для всех подсудимых. Экспертиза по делу не ограничилась медицинскими вопросами; она затронула и другие предметы, другие чрезвычайные и своеобразные вопросы. Козлов измеряли и в ширину, и в долготу, и в высоту. Невинных младенцев сажали в сумки, приводя их в такое положение, в котором удобно только в утробе матери. Их только не провезли в этом положении хотя бы небольшую часть сачхерской дороги. А жаль! Тогда с поразительной очевидностью представилась бы справедливость соображений эксперта Гульбинского, высказавшего вчера свое мнение о невозможности провоза Сарры в этом положении и при тех условиях, как предполагает прокурор. Тогда, быть может, не явилось бы на суд и то обвинение, которое теперь приходится судить вам. Спрошено было свыше 150 свидетелей, собраны, по-видимому, улики по всем мельчайшим обстоятельствам обвинения, и, тем не менее, в существе своем и в основаниях обвинение не перестает быть неясным, шатким, недостаточным или прямо несбыточным.

Когда я затем подхожу к обвинению, как оно выразилось в обвинительном акте, поддерживаемом и здесь, на суде, во всей его целости, я вижу здание, с виду величественное, обширное, сложное, я вижу стиль и единство в деталях, я готов заподозрить даже и присутствие в нем художественной правды: здание готическое, зубчатые линии, как лес мачт Миланского собора, бегут в небеса; на каждой остроконечности повисла улика против нас, крупные доказательства в виде скульптурных фигур расположились в нишах здания. Вот на западе у входа семейство Модебадзе с своим главой Иосифом, отцом Сарры. Иосиф Модебадзе с кошельком в руках. Я думаю, не ошибка ли? Зачем здесь эта фигура с классическим кошельком, – фигура, которую мы обыкновенно видим в группе двенадцати. Не оттуда ли она, от той случайно разрозненной группы? Но мне говорят – это гражданский истец, и мое недоумение разъясняется. Вот другая группа – семейство Цхададзе, соседи Модебадзе, готовые по соседской приязни послужить своим свидетельством видам и вожделениям гражданского истца. Оно так услужливо склонялось в его сторону. Я вижу фигуру Дмитрия Церетели; он весь огонь и ревность, он видел дальше всех, он видел то, чего никто не мог видеть. Боюсь, чтобы его пыл и усердие не испортили гармонию и согласие свидетельских показаний. Рядом с ним Григорий Григоров Модебадзе; он руками изображает пространство между двумя группами проезжавших евреев – ту западню, в которую, по его словам, попалась Сарра, – снова боюсь, чтоб эта западня не стала западней для обвинения. Выдвигается фигура Григория Датикова Модебадзе; он как будто готов подвинуться назад, он сам не убежден в прочности своей постановки, но его словам дано выдвигающееся значение, и обвинением он крепко прикован к месту. Замечаю Бесо Гогечиладзе, испытующего и вопрошающего, что движется в еврейской сумке; фигура, полная думы, точно Галилей перед вопросом о движении земли. Вокруг купола расположилась группа сачхерских дам с Максимом Надирадзе; они все – слух и мудрая догадка. Много и других характеристичных фигур, – я встречусь с ними впоследствии. Но теперь мои глаза падают на фундамент здания, и зловещее предчувствие закрадывается в мою душу; я вижу крайнюю непрочность, легкость, шаткость оснований, поддерживающих здание. Я вижу роковую архитектурную ошибку в фундаменте и заключаю, что как ни артистично смотрит здание, – оно не долговечно, оно должно пасть при первой невзгоде, при первом потрясении его оснований. К этой поверке, к этому испытанию оснований я и перехожу.

Для основательности обвинения в похищении необходима наличность; всех тех условий, при которых только и может совершиться похищение. Первое такое условие относится

ко времени и месту. Необходимо доказать, что похититель и предмет похищения Сошлись в одно и то же время в одном и том же месте и находились в такой один от другого близости, чтобы похититель имел возможность овладеть похищаемым предметом. Нет этого условия, – похищение невозможно. Господа судьи, слушая меня, вы можете подумать в эту минуту, что я говорю не перед судьями, что я забыл о суде и примером объясняю 12-летнему юноше элементарные правила логических умозаключений и выводов. Да, это можно подумать. Но я вынужден спускаться до такой простоты, так как в основаниях и выводах обвинения я именно усматриваю забвение одного из самых элементарных правил логического умозаключения. Обвинение именно забыло об условиях времени и пространства, как необходимых условиях похищения, и в этом его печальная ошибка. Была ли Сарра Модебадзе во время проезда евреев по садзаглихевской дороге в такой близости к проезжавшим евреям, что могла быть ими похищена? Обращаюсь к показаниям свидетелей, тех самых, на которых опирается обвинение, которых оно считает свидетелями, в достоверности подтвердившими здесь свои прежние показания и освятившими их присягой. Бесспорным признается, что евреи проезжали по садзаглихевской дороге, что проехали двумя группами: одна группа прежде, другая после, и что место выжигания белил, где находилась Сарра в минуту появления евреев, было от места этого появления в сторону на расстоянии нескольких десятков сажен. Мои слова далеко не были бы лишены оснований, если бы я стал доказывать, что Сарра не отлучалась с места выжигания белил, где она была возле Турфы Цхададзе, даже и при появлении второй, позднейшей группы евреев. Я мог бы это утверждать на основании показаний Майи Модебадзе и Елизаветы Цхададзе. Обе они утверждают, что они были на месте выжигания белил во время появления параллельно с этим местом первой группы евреев, что в то время возле них были и Турфа Цхадададзе, Сарра Модебадзе и что в это время Турфа не имела никакого разговора с проезжающей группой евреев. Вторая группа проехала после ухода Майи Модебадзе и Елизаветы Цхададзе в лес Как Турфа Цхададзе, Так и другие свидетели утверждают, что Турфа разговаривала с евреями, спрашивала у них, не продадут ли они товар. Следует заключить, что Турфа говорила со второй группой. А так как она после разговора с евреями, по ее собственным словам, говорила потом с Саррой, объясняя ей, что если бы она пошла к евреям, то они дали бы ей платье и увезли бы ее, то очевидно, что Сарра могла пойти на садзаглихевскую дорогу лишь после проезда по ней второй, последней группы, евреев, которых она, как я сейчас докажу, не могла догнать. Так как других евреев, кроме этих двух групп, в то время по дороге не проезжало, то, следовательно, и нельзя говорить о возможности похищения Сарры евреями. Но если даже допустить возможность ошибки в показаниях Майи Модебадзе и Елизаветы Цхададзе, если предположить, что Турфа разговаривала с первой группой евреев и что Майя и Елизавета только случайно не слышали ее разговора, находясь, однако, возле нее, если сделать эти уступки обвинению, то и тогда еще останется длинный ряд свидетельских показаний, сопоставляя которые и соображаясь с местностью, как она измерена судебным следователем, я не затрудняюсь показать, что Сарра не могла быть похищена евреями, потому что она не могла быть во время их проезда вблизи них, и что, следовательно, детские крики, которые были, слышны на садзаглихевской дороге, никак не могли быть ее криками.

В самом деле, установим факты, которые занесены в обвинительный акт прокурора. Две группы проезжавших евреев распределялись таким образом: одна в четыре, а другая в три человека. В первой группе было трое конных и один пеший, тут же был и козел, что подтверждается рядом свидетельских показаний, а именно: Майи Модебадзе, Елизаветы Цхададзе, Павла Цхададэе, Дата Цхададзе и Сино Церетели, которые все говорят, что впереди ехало четверо евреев. Григорий Датиков и Григорий Григоров Модебадзе также видели, что в первой группе было четверо евреев и что эта группа везла козла в сумке. Производивший дознание полицейский пристав Абашидзе говорит, что при первом приступе к дознанию

он удостоверился, что проехали две партии евреев, первая в четыре, а вторая – в три человека. Со всеми этими вполне одинаковыми показаниями не согласуются только два показания. Я не хочу оставить их без рассмотрения и оценки. Свидетель Коджаия говорит, что впереди проехала группа из трех, а позади из четырех; козла он не видел ни в той, ни в другой группе, но был туман, объясняет он, и он не всматривался, что везли евреи. Показание Коджаия, не согласное с другими свидетельскими показаниями, я объясняю ошибкой и запамятованием, весьма возможным по прошествии почти года. Тем более я имею основание к такому заключению, что в показании своем, данном на предварительном следствии и им собственноручно писанном, Коджаия, как и прочие свидетели, утверждал, что впереди проехала группа из четырех евреев. Турфа Цхададзе, утверждая также, что впереди проехало четверо евреев, говорит, однако, что козел был во второй группе. Но это единственное показание о местонахождении козла в группе трех опровергается всеми остальными единогласными относительно этого предмета свидетельскими показаниями. Впрочем, Турфа – это та свидетельница, о которой сам прокурор выразился по выслушании ее на судебном следствии, что она или по старости лет, или по запамятованию, или почему-либо другому совершенно не способна давать показания.

Таким образом, за исключением Коджаия и Турфы, всеми остальными свидетельскими показаниями установлен тот бесспорный факт, что впереди проехали четыре еврея и что с ними был козел. Этот факт, как вы знаете, весьма важен, так как показания всех свидетелей, слышавших впоследствии детские крики, относятся к этой группе, которая была из четырех и при которой был козел. Определю теперь расстояние, в котором находилась Сарра от проезжавших евреев. Место выжигания белил было в стороне от садзаглихевской дороги. Чтобы выйти с этого места на дорогу, нужно было предварительно взойти на тропинку, которая в виде кривой линии выходила на дорогу. Эта кривая линия может быть принята как третья сторона треугольника, две остальные стороны которого составляют: 1) прямая линия от места выжигания белил на садзаглихевскую дорогу в виде перпендикуляра к этой дороге; точка прикосновения этого перпендикуляра к дороге означает место, параллельное месту выжигания белил и на котором были в первый раз усмотрены евреи при проезде их по дороге и с которого они разговаривали с Турфой; 2) вторая сторона, идущая по дороге, есть прямая линия от соединения упомянутого перпендикуляра с дорогой до пункта соединения с этой же дорогой тропинки, ведущей от места выжигания белил. Демонстрируя пред вами на плане во время судебного следствия, я определил протяжение тропинки в 81 сажень. Вы имели возможность убедиться, что вычисление мое умеренно. Но, чтобы быть еще более уступчивым, я приму протяжение тропинки как равное перпендикулярной линии, оказавшейся, по измерению судебным следователем, в 66 саженей, и, прибавляя к этим 66 саженям еще 6 саженей расстояния от места выжигания белил до тропинки, я заключаю, что для выхода на садзаглихевскую дорогу в месте соединения этой дороги с тропинкой Сарра должна была пройти 72 сажени, по самому умеренному расчету. Между тем до этого же пункта, начиная с которого только и возможна становилась встреча евреев с Саррой, евреям оставалось только проехать 42 сажени. Сарра, очевидно, не могла опередить их, не могла сойтись с ними на дороге в одно время, так как для этого она должна была бы идти вдвое скорее, чем конные евреи. Первая группа евреев должна была, следовательно, проехать раньше выхода Сарры на дорогу. Так как детские крики, по единогласным свидетельским показаниям, относятся к первой группе, при которой был козел, а следовательно, и похищение Сарры могло быть совершено только первой группой, то спрашивается, где же эта группа могла встретить Сарру? Не поджидали ли ее евреи на дороге? Но этого не предполагает и само обвинение, которое в похищении Сарры не усматривает заранее обдуманного и подготовленного плана. Никто не видел, чтобы евреи останавливались по дороге во все время следования их через селение Перевиса. Дмитрий Церетели видел, что они остановились на короткое время

и подвязывали сумку уже в 180 саженях от тропинки, между тем как раньше в 72 саженях Григорий Датиков Модебадзе слышал детский крик и видел проезжавшую группу четырех евреев. Все свидетели говорят, что евреи ехали шибко на лошадях. Коджаия и Сино Церетели удивлялись, как пеший еврей успевал не отставать от конных. Евреи нигде не хотели останавливаться: они не приняли приглашения Турфы продать ей товары, говоря, что они спешат, а ведь ко времени их разговора с Турфой Сарра еще не была похищена и была от них в 66 саженях в сторону. Евреи действительно имели повод спешить. Завтра наступал канун еврейской пасхи; они везли домой необходимые хозяйственные припасы к празднику, им нужно было вовремя поспеть домой, чтобы семейства их могли успеть сделать необходимые приготовления. Доказывая, что Сарра не могла встретиться с евреями на дороге, я употребил несколько грубый прием сравнения расстояний в 42 и 72 сажени. Я прошу вас теперь сообразить, что 42 сажени было расстояние для ехавших, хотя бы только шагом, евреев, а 72 сажени для Сарры, 6-летнего ребенка, хромого, ходившего медленно и с трудом, как говорят это все знавшие Сарру. Путь для Сарры был под гору, что для хромого гораздо труднее ровной дороги. Если предположить, что шаг Сарры вдвое меньше или вдвое медленнее, чем шаг лошади или взрослого человека, то 72 сажени для Сарры по самому умеренному расчету равняются 144 саженям для евреев. Не следует забывать, наконец, что евреи, разговаривая с Турфой, не останавливались и продолжали путь, что после разговора с ними Турфа разговаривала с Саррой, которая была еще возле нее и никуда пока не уходила, что с Саррой затем разговаривала сестра ее, что если на все это было потрачено две минуты, прежде чем Сарра удалилась, то в эти две минуты евреи успели уйти вперед хоть на 100 саженей, а следовательно, опередить появление ее на дороге, по крайней мере, на 230 саженей.

Таким образом, оказывается, что, прежде чем Сарра могла выйти на садзаглихевскую дорогу, евреи уже миновали селение Перевиси и были далеко впереди Сарры. Это соображение простое, оно основано на измерениях, сделанных следственной и обвинительной властью на плане, снятом судебным следователем и подтверждаемом актом осмотра местности, на показаниях свидетелей, которым верит и прокурор и которых он ставит в основание своих обвинительных доказательств. Это соображение было упущено, и упущение это составляет ту печальную ошибку, которая породила настоящее обвинение. Это же соображение, поставленное теперь в конец, непоправимо разрушает обвинение в его основе. Этим соображением я доказываю, что – не только Сарра не была похищена евреями и именно первой группой, против которой и сводятся улики, но *я* не могла быть похищена. С этой минуты мне остается иметь дело не с обвинением, в основе своей разрушенным, а лишь с обломками обвинения, которые я должен смести с моей дороги, чтобы очистить путь к оправдательному приговору. Всей силой моего убеждения я опираюсь на проведенное соображение. Напрасно, поверяя прочность соображения, я ищу возможности какого-либо объяснения встречи Сарры с евреями. Я не нахожу объяснения. Или мысли мои путаются, или в каком-то странном тумане блуждают мои соображения и я не вижу очевидного, или роковая ошибка на стороне обвинения. Просветите меня, прокурор, если я заблуждаюсь; разъясните мне, каким образам Сарра могла попасть в руки первой группы евреев. Ведь никто не говорит, что евреи останавливались и поджидали Сарру, что она сама условилась выйти к ним. Напротив, по смыслу всех обвинительных доказательств видно, что только нечаянная, неподготовленная заранее встреча с Саррой обусловила ее похищение.

Очищая предстоящий мне путь, я остановлюсь прежде всего на показании Дмитрия Церетели. Я прямо называю этого свидетеля самым достоверным лжесвидетелем. Он слишком поусердствовал в своих показаниях. Он говорит, что видел Сарру на садзаглихевской дороге впереди обеих групп евреев. Выходит, по его показанию, что Сарра вышла на дорогу еще ранее появления евреев. Но это опровергается показанием всех прочих свидетелей – и семейства Цхададзе, и сестры Сарры – Майи Модебадзе, которая говорит, что Сарра находи-

лась на месте выжигания белил при появлении первой группы евреев. Очевидно, Дмитрий Церетели не мог видеть Сарру на дороге впереди первой группы. Несправедливо его показание и о том, что он видел евреев и слышал детский крик, когда он после проезда евреев отправился по лесу отыскивать свою скотину. По показанию Турфы и Елизаветы Цхададзе, Церетели работал в своем винограднике во время проезда евреев. После их проезда, ввиду павшего тумана, Церетели отправился искать скотину. Место, на котором он, по его собственному указанию, видел евреев и слышал детский крик, находится в 180 саженях от винограднika Церетели по линии садзаглихевской дороги. Церетели прошел это расстояние медленно, заглядывая по сторонам, ища в лесу скотину, и, тем не менее, успел догнать евреев, уехавших раньше его выхода на поиски скотины, ехавших скоро и без остановок. Оказывается, если верить показанию Дмитрия Церетели, что евреи, похитив Сарру, нарочно поджидали на дороге Дмитрия Церетели, чтоб он только успел придти на место, увидеть их, услышать детский крик и затем об этом засвидетельствовать. Он и свидетельствует сначала, что видел семерых евреев, потом – что не мог различить, сколько их было, за туманом, и наконец – что видел троих. Верно одно, что если Церетели видел евреев из своего винограднika, то он уже не мог их нагнать за 180 саженей от этого винограднika и пришел после продолжительных поисков за неизвестно куда ушедшей скотиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.